

ГЛИНА

Наталья Песочинская

Это случилось накануне годового просмотра, поздней весной. Когда душа переливается, как вода Фонтанкаи в солнечный день.

Мы с Ирккой к той весне год как дружили. С Ирккой и Женькой. Как-то так вышло, что мы отдельно с ними подружились. Я, то есть, с каждой по отдельности. Втроём у нас не получилось, слишком они разные. А я под всех, выходит, подошла. Женька рисует круто. Если по-честному, то круче, чем все мы. Чем вся художка вместе взятая.

Может болтаться две недели где-нибудь, а потом явится, руками помахала – и готово. Как фокусник. Маг, ведьма! Разве можно так? Тут же сбегаются все к её мольберту ахать: ах, как прозрачно, светится, ни капли не затёрто! Будто бы ей вот это ВСЁ совсем, вот ни настолечко не сложно!

Я вглядываюсь, будто в микроскоп - пытаюсь рассмотреть всё до молекулы, чтобы понять - в чём секрет чуда? Не может быть, чтобы такое - теми же руками, как у всех. Обычными, то есть, руками. Да и глаза не могут быть обычными. Иначе как увидеть так, как может Женька? Как передать всё так же, как она? Не знаю, говорит. Рисую для себя и всё. Вообще, говорит, когда рисую, ни о чём не думаю.

Вот оно что. Для себя просто. И всё. А не для Славика – учителя, не для родителей, не напоказ, не ради популярности, как Ирка. Просто и всё - как будто в медитации. У меня тоже так, бывает, получается, но редко. И после ежедневных тренировок. Когда рука «набита». А Женька так. Не глядя, мимоходом. Покажет фокус – и пропала. А что такого? Оно само. Так вышло, так случилось. Такая моя Женька. Неземная. Понятная-и-непонятная. Но всё-таки моя, родная.

Ирка другая. Ей надо быть звездой. Всегда, везде, во всём, со всеми. Вдвоём со мной – и то. А может, и вдвоём с собой – от этого мне как-то жутко даже делается.

Ирка так злится, когда её обходит кто-нибудь другой. Хотя кого здесь этим удивишь. Здесь эта ревность – так, обычное явление. В художке каждый метит в гении -«мы-не-

такие-мы-иные». Вот почему у Ирки с Женькой не сложилось. Женька не носится с этой своей «печатью гениальности», своей инаковостью. Не замечает Иркиных подколов. А Ирка бесится от этого, выделяется ещё больше.

А я... А я живу, смотрю, рисую. Не так, как Женька. Я стараюсь. Мне важно, чтобы получалось. Но и не так, чтобы как Ирка - гордиться каждой закорючкой. Надеюсь, нет. Просто тогда мне с Иркой интересно было очень.

Красивая и шумная, смеётся громко, помадой красится – единственная из моих знакомых. И даже с мальчиком встречается. Может, и врёт, конечно. Но всё равно. Мне бы вот в голову такое не пришло. Даже соврать чтобы.

В общем, и мне тогда хотелось так же. Хотелось быть немного Иркой. Не знаю, что она во мне нашла, но почему-то мы с ней подружились. Ладно, как будто подружились. Может, в пленэрах дело было. Она узнала, что я часто в городе пишу, и попросилась вместе. Сама, со мной! Я удивилась, но, конечно, согласилась.

Когда мы с Женькой, сидим молча, незаметно – невидимые для других. И это здорово. Можно кого угодно видеть, а тебя – никто. Я даже плеер не включаю в телефоне. Так, слушаю себя сию. И город.

А с Иркой незаметно не получится. Она будто всегда на сцене. И место выбирает на виду - у Спаса на Крови, на Львином мостике, у Академии художеств – чтобы студенты видели. И музыку включает. Будто бы для вдохновения. На самом деле, чтобы еще заметней стать.

Мне кажется, пленэр у Ирки наоборот как бы: не чтобы самой видеть, а чтобы на неё смотрели. Художница, с мольбертом, в ярком платье – как с открытки. Сразу подходят все, спрашивают, что и как. Ирка кокетничает и хохочет. И как только эскизы делать успевает. В общем, сейчас я думаю, что она со мной для этого и подружилась. Одной как-то не очень – припёрся и стоишь с мольбертом. Как дурак, А так, вроде как алиби. Компания.

Ну а потом случилась глина.

В скульптурном классе мы не Микеланджело – не высекаем из камней, а просто лепим – из обычной глины лепим. Наш скульптор, Славик, он такой... немного странный. С луны, как говорят. Хотя мне кажется, нормальных - до конца и полностью нормальных – не бывает. Просто у каждого наборы странностей свои. В общем, когда

он лепит, будто бы не здесь. Это понятно. Я тоже так могу, когда одна. Когда вокруг нет всяких Ирок, Машек, Ник. Тогда лучше всего быть начеку. Чтобы не вышло эдакое-всякое. Как в этот день, когда наш Славик – он, конечно, Вячеслав Олегович – в очередной раз «провалился».

Ну, взялся помогать кому-то в классе и напрочь отключился. Сидит и лепит, по сторонам не смотрит. А Ирка тут как тут. Подходит, будто посмотреть ей нужно, что и как он делает. И глину мокрую в его карман заталкивает. Да ещё и по стулу Славиковскому кусок размазывает. Сама хихикает, девчонки повторяют. А мне противно стало. Он же учитель, он старается. Ну, «провалился» – с кем не может быть. Творческий всё же. А тут вот так – и ни за что ведь, главное. Был бы зверюга, тогда понять хотя бы можно было. А ни за что если, тогда как?

В общем, я ему тогда сказала. Нет, я не сказала, что это Ирка. Я просто намекнула, что на стуле глина. И в кармане. Веселье всё испортила, как прошипела Ирка.

А в следующий раз...

Пришли мы на скульптуру как обычно. Ирка весёлая, громкая – нормальная такая Ирка. Ничего такого. Лепили тоже как всегда. Потом нас Славик на проветривание выгнал. Все разбежались по углам, шушукаться, Женька в туалет выскочила – на самом деле, послушать музыку, чтобы никто не лез под руку, а я нырнула в пинтерест.

И вот заходим в класс – а там...

В общем, в Париже есть музей такой - изобразительного искусства. А в этом музее есть врата из бронзы. Огюст Роден их сделал, скульптор. Назвал их «Врата ада». Всегда мечтала их увидеть. И вот в тот день почти увидела. Во всяком случае, у меня такое чувство было, что я в ворота ада захожу, а не в скульптурный класс.

А в этом аду Ирка. И все-все-все. И Ирка не весёлая, и не нормальная, разве, как обычно, громкая. Увидела меня и как давай орать. Глаза бешеные, трясётся вся, в слезах. В меня тычет.

Девчонки все вокруг столпились, утешают. А на меня зверями смотрят. А я стою как дура, будто под наркозом. Все вокруг мутное, шевелится и расплывается.

«Это все Ника! Отомстила мне за Славика любимого! – орут Иркины губы. - Влюбилась, вот и отомстила! Стерва!»

И все кивают и шипят из всех углов: С-с-с-с-стерва! С-с-с-с...

Пытаюсь увеличить резкость зрения – странно, Ирка вся глиной перепачкана. Всё - папка для работ, и стол, и куртка Иркина на спинке стула – модная косуха, тоже в глине.

Я вижу, слышу, только не доходит, что это правда происходит. Что стерва - это про меня, со мной!

Сердце стучит. Чего так громко–то? Где Женька? Молчит и смотрит. Ясно, наркоз тоже. А Славик? Говорит что–то, не слышу. Не понимаю. Вижу - рот шевелится. У Славика, у Ирки, у девчонок. Вижу, не слышу. Шум в ушах.

Ну всё, реву. Слезы бегут, сами собой - без спросу. А все орут. И ржут. Все, кроме Женьки.

В общем, домой в тот день я шла одна. Женьку родители забрали на машине, пока я в туалете отмывала слёзы. Ирку все девчонки класса провожали, закрыв телами от «бандитских пуль». А я ...

Следующий день я прогуляла. И потом тоже. И маме не сказала даже. По городу болталась, вдоль Фонтанки. Тусклой, бессолнечной, безжизненной, потухшей. Женька в контакте накарябала: держись! Проходит всё, и это тоже. И что считает, это Ирка всё подстроила. Сама всё глиной перепачкала, чтобы настроить всех против меня. Так сказать, глаз за глаз, зуб за зуб, глина за глину.

После того мы с Иркой не общались. Первое время они с девчонками дразнили по привычке: «Глина-то есть ещё? Осталась? Заказать доставку?»

Но, как сказала Женька, вскоре всё забылось. Наверное. Только вот я помню. Будто не Ирка в глине перемазалась тогда, а я. Будто бы день тот так и остался на мне слепком глиняным, со шрамом. Знаю, однажды треснет и раскрошится – в пыль, в ноль, в ничто.

Глина сама ни в чём не виновата. Просто тепло ей надо. Стоит согреть новый кусок – вот и готов мой новый день, готова новая история. Вылеплю бережно, покрою бирюзовой с проседью глазурью - никаких шрамов, без зазорин и без трещин.

Проходит всё. Разве что кракелюр пусть. Так, для красоты. И только.

